Московская епархия Русской православной Церкви

ПРИХОДСКОЙ ЛИСТОК

№ 57 (511) 03/12/2018 тираж 120 экз.

Храм Святой Троицы в Сходне, телефон: 8 (495) 574-06-80, сайт : www.shodnyahram.ru

М. о., г. Химки, мкр-н. Сходня, ул. Первомайская д.9. / Храм открыт ежедневно с 8-00 до 18-00

ТЕТЯ ПАША

ГЛАВА ИЗ КНИГИ АЛЕКСАНДРА ТРОФИМОВА «САД УГОДНИКОВ БОЖИИХ».

СТАРИЦА ПАРАСКЕВА КОНСТАНТИНОВНА АЛЕКСЕЕВА; 20.09.1900 – 6.08.1986

Отец Серафим говорил, что среди прихожанок Георгиевского храма есть настоящие подвижницы. Мы имеем возможность рассказать лишь о немногих из них – тех, с кем удалось поближе познакомиться составителю этой книги. Думается, что их судьбы достойны упоминания среди других замечательных подвижниц Самаркандского «Сада угодников Божиих».

В течение многих лет она была «кормилицей» в храме – ходила, на рынок и в магазины, покупала продукты, готовила для всех, кто жил при храме постоянно, для клира, а также для паломников, приезжавших помолиться. Эти общие трапезы после богослужений – одно из светлых воспоминаний о Георгиевском храме. Как радушно угощали там, с какой радостью и молитвой. После трапезы долго не расходились – беседовали о делах храма, расспрашивали приезжих, батюшка часто сам рассказывал что-нибудь на пользу души или чтобы вразумить, ответить на вопросы. Кроме того, тетя Паша, была псаломщицей (пока позволял голос) а также была оформлена сторожем при храме. Каждый вечер брала она иконы Спасителя, Казанской Божией Матери, великомученика Георгия – и обходила с молитвой всю территорию, прилегающую к храму, просила, об ограждении и защите у небесных покровителей, и, слава Богу, по молитвам ее никаких серьезных происшествий не бывало. Интересно, что когда тетя Паша уже не могла выполнять все послушания по состоянию здоровья, чтобы заменить ее, пришлось нанять трех женщин. Только тогда многие удивились – как она успевала столько сделать одна!

С людьми тетя Паша была удивительно ласкова, никогда не повышала голоса. Сколько помню, почти всегда возле нее были дети прихожан храма. Дети куда лучше своих взрослых родителей чувствовали благодатную силу тети Паши. Когда они входили во двор храма и видели хлопочущую тетю Пашу, они бегом устремлялись к ней и буквально держались за подол, не отходя от нее ни на шаг, а когда родители пытались увести их, то делали это с большой неохотой, плакали.

Сам я вряд ли обратил бы особое внимание на кормилицу прихода, но отец Серафим однажды сказал: «Посмотри, как тетя Паша молится и как читает – как будто в первый раз!»

Действительно, любо было смотреть на нее во время молитвы. При чтении келейного правила она так произносила слова молитв, что они приобретали глубину смысла и такую значительность, что невольно сам собирался, становился как по струнке и, несмотря на жару и усталость, вникал в каждое слышанное слово. Это была поистине школа молитвы. Сам отец Серафим любовался ею, когда она читала в келье правило.

В храме она стояла как столп, не сходя с места, часто крестилась, делала земные поклоны. Ничто не отвлекало ее. Однажды, когда нужно было уезжать, и я хотел попрощаться с ней, пришлось несколько раз обратиться, чтобы она отвлеклась от богослужения.

Кто такая тетя Паша, стало понятно мне после одного случая, когда она предсказала день моего приезда в Самарканд на следующий год. Осенью после командировки я заехал в Самарканд я пробыл два дня в Георгиевском приходе.

АРХИМАНДРИТ СЕРАФИМ (СУТОРИХИН). САМАРКАНД

Перед самым отъездом тетя Паша неожиданно пригласила меня в келью и сказала:

– Давай пропоем тропарь Святой Троице.

– Так ведь до Троицы еще далеко.

– Ничего, давай пропоем…

После того, как мы пропели… «Благослови еси, Христе Боже наш…», она запела тропарь святому великомученику Георгию, взяла из иконного уголка его икону и благословила ею. Затем подняла скатерть, и вынула из-под нее три совершенно новеньких бумажных рубля со словами: «Это тебе благословение на дорогу».

В следующем году меня снова направили в командировку в Среднюю Азию – и я приехал в Георгиевский храм накануне дня Святой Троицы. Тогда-то и вспомнил, как тетя Паша велела петь с ней тропарь Святой Троице. После всенощной мы пошли на террасу, примыкающую к келье отца Серафима, читали там вечернее правило, после чего тетя Паша сказала: «Давайте прочитаем акафист Пресвятой Троице». Мы начали читать акафист по очереди. Все начальные молитвы прочла сама тетя Паша, потом передала книгу другим. Никогда в жизни до этого момента не слышал я такого чтения – с такой огненостью и молитвенным подъемом читали и пели все собравшиеся. После окончания чтения тетя Паша сказала: «Я больше всего люблю молиться и люблю тех, кто любит молиться!»

История с тремя рублями имела продолжение. Я держал их в отдельном месте, и не раз случалось, что не хватало денег, и хотел их потратить. Но каждый раз в карманах оказывались другие деньги, хотя, думал, что их не должно быть. Так и не потратились эти три рубля, и лишь позднее понял, что это «неразменные» деньги – не для траты, а для памяти о благословении старицы.

Вспоминается случай, как вразумила меня тетя Паша. Тогда приехал в Самарканд на Пасхальной седмице. Но состояние внутреннее было совсем не пасхальным, уныние, хмурость. После службы сидели за общей трапезой. Поели, пропели благодарственные молитвы, но не расходились, о чем-то беседуя за столом. Вдруг тетя Паша взяла со стола пасхальное яйцо, подала его мне, сказав: «Ешь!» Я отказывался, говоря, что уже сыт и не хочу. Но она уже довольно строго повторила: «А я говорю тебе – ешь!» Никогда я не видел ее такой – ни до, ни после этого случая, такую силу почувствовал в ее словах и право на эту строгость. Конечно, это призыв к пасхальной радости, к тому, что надобно выбросить из себя всякую дрянь, мешающую этой радости.

Жила тетя Паша в маленькой келейке с одним окошком, выходящим во двор храма, который напоминал собой улей: За долгие годы приход покупал прилегающие к храму дома, которые перестраивались, превращаясь в кельи-соты. Потому и двор храма был похож на пчелиные соты со многими комнатками-кельями. В одной из таких келий и жила тетя Паша. Вещей внутри почти не было. Помню иконный уголок с лампадами, стол, два стула, кровать и комод – вот, пожалуй, и вся обстановка.

Очень хотелось мне узнать о жизни тети Паши – и вот, в один из приездов, как уже повелось, после трапезы, она взяла меня под руку, усадила на скамейке и начала рассказывать о себе. К сожалению, ничего не записал тогда, поэтому запишу немногое, что сохранилось в памяти.

Родилась тетя Паша 20 сентября 1900 г. в Симбирске (нынешнем Ульяновске). С самого детства ходила в храм, очень любила церковные службы. Хотела уйти в монастырь, да не вышло, нужно было зарабатывать себе на жизнь и помогать семье. Еще девочкой пошла в няньки, сидела с детьми в разных семьях. Когда подросла, служила по домам кухаркой, горничной и, конечно, занималась детьми.

ГЕОРГИЕВСКИЙ ХРАМ САМАРКАНДА

Как и когда переехала она в Самарканд, не помню, но и здесь она жила в разных семьях, ухаживала за детьми – и так до пенсионного возраста. Никогда за всю жизнь не было у нее своего «угла», ночевала в чуланах или коридорах, очень сокрушалась, что помолиться негде. В служении людям

нужно было постоянно смиряться, многое терпеть. Всю жизнь желала она послужить Богу, но приходилось служить людям.

И вот через 50 лет такой жизни Господь призвал Свою верную невесту послужить в храме. По благословению батюшки ее взяли на работу в Георгиевский храм, прописали, дали келью – и здесь она обрела счастье – бытъ с Богом и служить Ему.

Тетя Паша постоянно говорила, как она благодарна Господу за Его великую милость, что сподобил ее жить в «дому Господнем», даровал возможность молиться, сколько захочется. Слова благодарности не сходили с ее уст.
Хотя тетя Паша и не приняла монашеский постриг, считая себя недостойной, но прожила она всю жизнь в девстве и чистоте, и была истинной монахиней по трудам, молитвенному подвигу и духовному устроению. Думается, что и на фотографии видно это монашеское ее устроение.

Очень любила тетя Паша Танечку *(О ней рассказано на нашем сайте, статья «Танечка»)*, о которой мы еще вспомним. И не случайно именно ей открыл Господь о предстоящей кончине Татьяны. Однажды после окончания службы тетя Паша сказала: «А вы видели, как отец Серафим Танечку отпевал?»

«Да что ты, тетя Паша,– ответили ей,– совсем плохая стала, отец Серафим давно уже умер, а Танечка еще жива!». «Нет,– отвечала старица,– отпевал отец Серафим Танечку, я видела!»

На следующий день в храм сообщили, что Танечка действительно скончалась в то время, когда у тети Паши было видение.

ГЕОРГИЕВСКЙ ХРАМ САМАРКАНДА

К концу жизни тетя Паша называла всех мужскими именами, о женщинах говорила «он», и про себя: «я пошел, увидел…» и т.д. Многие воспринимали это как проявление юродства. Но, возможно, была и другая причина. Тетя Паша по благодати достигла такого духовного состояния, когда перестаешь делать различие между мужским полом и женским, когда каждого человека воспринимаешь как «новую тварь во Христе», как нового Адама, как живой образ Божий. И тогда и о себе и о каждом говоришь «он». Вспоминаются и слова святителя Игнатия (Брянчанинова) о том, что если женщина подвизается из любви ко Христу, то и она «блажен муж», по словам Псалмопевца.

Некоторые из прихожан храма думали, что тетя Паша, не в своем разуме, но это совсем не так. Когда мы беседовали с ней в келье, она не проявляла никаких признаков юродства, взгляд ее был глубоким и проницательным. Вся она стала, как бы живой молитвой, гласом, обращенным к Богу. Возле нее было реальное ощущение благодати, покоя, тихой радости, как будто входишь в вечерний сад после дневных трудов. Впечатление от встреч с ней в последний год жизни такое, будто она почти уже не жила на земле. Скончалась тетя Паша 6 августа 1986 г. (в день памяти святых страстотерпцев князей Бориса и Глеба). Перед смертью долго болела, часто приходилось вызывать «скорую». Терпение в болезни у нее было поистине ангельским – никогда не жаловалась, не стонала, не показывала, вида, что больно. Врачи удивлялись ее терпеливости. Однажды врач «скорой» сказала, что тетя Паша должна испытывать невыносимые боли, но окружающие этого даже не ведали. До самых, последних дней жизни она все пыталась помочь чем-то – помыть, подмести, убрать, хотя на ногах не могла держаться. Ее ругали: «Иди, отдыхай, что ты все суетишься, тебе же плохо», но она все равно пыталась хоть что-нибудь сделать – на кухне, во дворе храма…

Когда сообщили, о кончине тети Паши, я послал письмо с просьбой прислать что-нибудь в благословение из ее личных, вещей – иконочку, может быть четки или платок. Мне прислали ту самую икону великомученика Георгия, которой она меня каждый раз благословляла перед отъездом из храма, а также белый головной платок. В письме ответили, что четки свои тетя Паша, сама подарила перед смертью одной прихожанке храма. Замечательно то, что посылку с дарами я получил точно на 40-й день после ее кончины.

В тот же год снова, оказался в Самарканде, сходил на могилку старицы, рядом с могилой срослись множество деревьев, так что получилась как бы сень и даже в самое пекло азиатского лета здесь прохладно. Здесь – и скамейка, и столик, как будто к самой старице пришел, такое

живое чувство присутствия. И еще – здесь такое дивное чувство любви, умиренности, тишины, что почти не было сил уйти, как будто в материнском доме находишься, весь омытый любовью и радостью.
У нее был удивительный дар утешения скорбящих. Думается, она брала на себя чужие скорби, освобождая душу человека от тяжести. Сам испытал это ее благодеяние и потому могу с уверенностью говорить так. И сейчас те, кто приходят на могилу старицы со скорбью и бедой, получают благодатную помощь от молитвенницы, и ощущают материнскую руку, которая своей теплотой и лаской врачует скорби, утешает, дарует совершенную ясность, что нужно делать, как поступить при сомнениях, в разных трудных выборах нашей жизни. Поистине, эта могила, одна из святынь Самарканда.

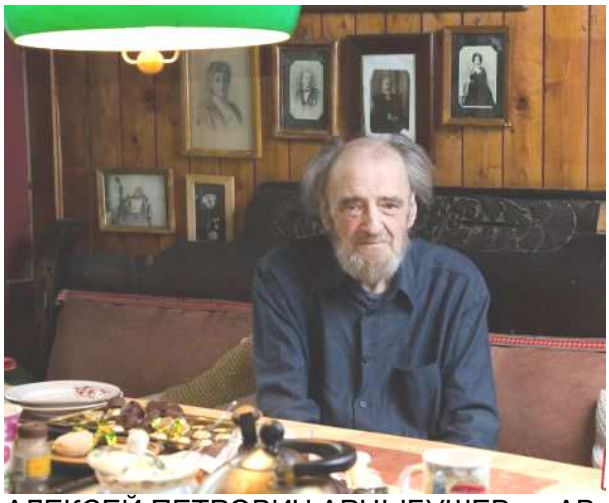
В одни из последних приездов в Самарканд случилось так, что я оказался в Георгиевском храме в тот день, когда умерла, одна из старейших прихожанок. Вместе с послушницей отца Серафима мы пошли в дом, где она жила. Никогда в жизни не видел такой бедности. Покойная лежала на кровати. В комнате не было практически ничего – ни мебели, ни вещей, ни еды. Все иконы свои она заранее отдала в храм. Говорят, что бóльшую часть своей крошечной пенсии она относила в храм – подавала записки, ставила свечи, заказывала молебны и панихиды.

Когда покойную увезли в храм для отпевания, на спинке кровати остались четки. Мы взяли их и направились в храм. Когда эти четки увидела, родственница тети Паши, пришедшая на отпевание, она сказала: «Так ведь это четки тети Паши, которые она подарила перед смертью этой прихожанке нашего храма», после чего сказала, обращаясь ко мне: «Вы хотели на благословение ее четки? – вот они к Вам и пришли».

Приведу также отрывки из воспоминаний А. П. Арцыбушева о Георгиевском приходе Самарканда. В них он часто рассказывает о незабвенной и любимой нами тете Паше…

«ШАРА-БАРА»

(«Шара-бара» – так тетя Паша называла заливное из рыбьих хвостов и голов,– необычайно вкусное, как и всё, что она готовила.)



АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ АРЦЫБУШЕВ — АВТОР ВОСПОМИНАНИЙ О ГЕОРГИЕВСКОМ ХРАМЕ САМАРКАНДА

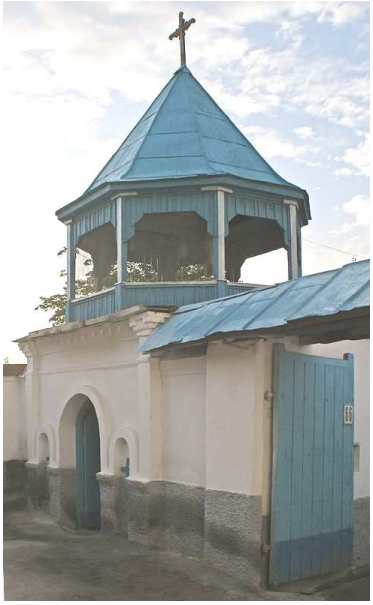
Среди огромного двора, вымощенного камнем, утопая в кустах сирени и жасмина, стоит высокий, сложенный из кирпича, белый дом, длиной в 50-60 метров с полукруглой алтарной апсидой с восточной стороны, с куполом и крестом на крыше. На внутреннем большом дворе слева идут разные службы – контора, кухня с комнатой, в которой живет Паша-кормилица, она же просфорница, большая кладовая с двумя большими холодильниками для продуктов и просфор. Затем идут две комнаты с терраской – помещение, в котором живет второй батюшка с семьей; потом просфорня: большое помещение с русской печью, ларями для муки, столом для разделки теста, кадками для закваски, противнями и всем необходимым для выпечки просфор. Это Пашино владение.

В самом конце двора, перпендикулярно к этим постройкам, выстроена баня, большая комната с несколькими кроватями, столом и стульями для приезжих издалека, а рядом с баней и комнатой – большой высокий сарай и гараж без машины. Там дрова и всякие нужные церкви столы и утварь.
На внутреннем дворе глубокий колодезь и водопроводная колонка. С этого же внутреннего двора под длинным во всю стену навесом северный вход в храм. С улицы большие ворота с калиткой, а рядом с ними «святые ворота» с аркой, а над ними звонница. Там висят два небольших колокола и два обрезанных баллона из-под газа, с помощью которых совершаются все звоны. Лучшим звонарем был батюшка, за ним шла Паша-кормилица, к которой и бежали на кухню с повелением батюшки звонить.

***

Владениями тети Паши, в которых она безраздельно царствовала, были кухня и просфорня. Кипящие кастрюли с вкуснейшими борщами, постными и скоромными, в зависимости от дней недели, с маслом или совсем «пустыми», в зависимости от дней и недель Великого поста, шипящие сковороды, на которых жарился лук, свежая рыба, картошка. Уйма зелени и разных овощей крошились и резались на деревянных досках и горой сваливались в белые тазы. Все это делали добровольные помощницы под руководством Паши.

В открытые окна кухни была слышна служба, идущая в храме, и временами стук ножей прекращался и наступала тишина: «Иже херувимы тайно образующе…». Кипели ведерные кастрюли с борщами, а Пашенька и все ее помощницы стояли на коленях и молились вместе с народом, стоящим в храме. Снова застучали ножи и вновь замолкают. «Тебе поем, Тебя благодарим, Господи, и молим Ти ся…»



САМАРКАНД. ХРАМ СВ. ВМЧ. ГЕОРГИЯ. КОЛОКОЛЬНЯ — МЕСТО ОДНОГО ИЗ ПОСЛУШАНИЙ ТЕТИ ПАШИ

Добрые прихожане непрерывно несут в кухню свои дары – овощи, зелень, рыбу, хлеб, фрукты – кто от своих садов и огородов, кто с рынка, всякий стремится что-то принести, чем-то порадовать, что-то пожертвовать. Несут и на террасу матушке, холодильник матушки всегда заполнен до отказа и все несут и несут. Время от времени я залезаю в него и делаю ревизию, чтоб ничего не пропало, тащу на «задний двор», к Пашеньке на кухню, там все пойдет впрок, так как после службы за расставленные столы прямо на дворе, под сенью деревьев, садится множество народа во главе с Катей-большой, вся армия ее помощников, добровольных и штатных, которые после трапезы вновь возьмутся всяк за свое дело.

А я, тем временем, на большом фанерном подносе, неся его осторожно, чтоб не расплескать, несу с кухни от Пашеньки на террасу обед, специально приготовленный для батюшки, матушки и всех гостей, сидящих в ожидании батюшки, который как всегда не торопится.

***

…Пост в Самарканде нелегкий, в особенности для меня. Службы по пять часов, горят ступни ног, ноет под ложечкой. Не выдержишь и побежишь будто по делу к Паше на кухню. – Пашенька, Пашенька, дай чего-нибудь. Умираю, падаю. И наложит она мне целую миску горячего гороха с жареным луком. Съешь все это – вроде силы появились, и снова в алтарь.

В Страстную неделю пост был сугубый, в пятницу до выноса Плащаницы не ели вообще ничего, в субботу хлеб и вино и что-то еще, но очень мало.

ПАСХА

АРХИМАНДРИТ СЕРАФИМ (СУТОРИХИН) С ПРИХОЖАНАМИ ГЕОРГИЕВСКОГО ХРАМА В САМАРКАНДЕ

Все готово, все ждет в тихом трепете приближающейся пасхальной ночи. Батюшка вышел на клирос, всех благословил, всех обласкал взглядом, улыбкой, словами. А там уже все в сборе, все красивые, нарядные. Катя Бондарь с камертоном, Люда, Оля, Нина, Нюра, Катя Боева. За занавесочкой, прячась от любопытных глаз, ее три дочери, как бы не увидели, как бы не донесли, что они тут. Им нельзя быть в храме: они студентки. Скромный тихий отец Димитрий уже облачен в пасхальные ризы. Все тут, все ждут. Тихо запел хор. Началась полунощница. Храм уже битком набит. Вот поднимают плащаницу и уносят в алтарь, ставя ее на престол. Закрываются Царские врата, задергивается пурпурная завеса. Посреди храма выстраивается крестный ход. Разбирают иконы: кто берет «Хозяина», кто запрестольный крест, кто Божию Матерь, кто Спасителя, кто Воскресение Христово, расстилая расшитые рушники меж рук, ставят они на них иконы. Впереди свечи, хоругви и хор. Стрелка часов в алтаре приближается к двенадцати. – Скажите Паше, пусть идет звонить, – шепотом говорит мне батюшка. Я бегу через двор, и там народу, народу! Бегу на кухню.

– Паша, Паша, давай!

– Уже, батюшки мои, бягу, бягу,– кричит мне Паша из кухни.

Ударил колокол. «Воскресение Твое, Христе Спасе…»,– тихо-тихо запевает батюшка, ему вторим мы: «Ангели поют на небесех: и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славити».

А колокол все гудит, да гудит.

Батюшка выходит из алтаря, вся церковь сияет от множества свечей – и поплыл пасхальный крестный ход через южные двери вокруг храма, остановившись у северных дверей. Двери закрыты, символизируя камень, закрывавший вход ко гробу Спасителя. Наступила полнейшая тишина. «Слава Святей Единосущней Нераздельней Животворящей Троице всегда ныне и присно и во веки веков!» – возглашает батюшка, поднимая кадило пред собой.
– Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ, и сущим во гробех живот даровав.
Открываются двери. Крестный ход во главе с батюшкой входит в храм и начинается торжество пасхальной ночи. Ликует батюшка, ликует народ, все залито светом.
Много пасхальных ночей провел я в Самарканде, но описать их так, как воспринимало сердце мое, я, пожалуй, не смогу. У меня не хватает слов, чтоб выразить свое ощущение того, что видел, чувствовал и переживал я в те, давно ушедшие, дни. Одухотворенность, присущая батюшке в его службах, в эту ночь несла в себе как бы удвоенную, утроенную энергию радости. Эту радость о Воскресшем Христе он нес в себе постоянно, ежедневно, на протяжении всей своей жизни, т.к. он всегда был пасхально радостен. Но в Пасхальную ночь эту радость он щедро расплескивал в каждую душу.
Когда он восклицал «Христос воскресе», надо было видеть его, чтоб понять то,о чем я хочу сказать. С какой верой в совершившееся отвечал ему народ – «Воистину воскресе!»
Начинается Литургия. О ней возвещает Паша мощным трезвоном во все колокола, во все обрезки газовых баллонов, несется в ночное звездное небо пасхальный звон.
На одном дыхании отслужена Литургия, и вот уже батюшка выходит из царских врат с крестом в руках, сейчас он будет с каждым в отдельности христосоваться, трижды целовать, поздравлять, обмениваться крашеными яйцами. На лице батюшки ни тени усталости, он весел, радостен, пасхален. А в это время на церковном дворе, от Святых ворот до самого конца двора, образуя сложный лабиринт узких проходов, прямо на земле, на расстеленных платках и рушниках, в мисках и без них лежат, стоят куличи, пасхи, крашеные яйца всех цветов и разная пасхальная снедь. Все ароматное, дразняще вкусное лежит тут, оставляя зигзагообразные проходы в несколько рядов, горя огнями свечей, образуя фантастические огненные дороги, а над всей этой космогонией – ночные огромные южные звезды. У каждого платка, расстеленного на земле, стояли женщины, дети со свечами в руках в ожидании батюшки, который в это время еще христосовался с каждым в храме, а я с чашей святой воды и с кропилом и ведрами в другой руке ожидал его в алтаре с нетерпением: «Ну, когда же?!»

***

…Паша снова на «Иване Великом» ударила во все колокола, гудят газовые баллоны не хуже колоколов православной Руси. Из алтаря на середину храма выходят батюшки, протодиакон и все иподиаконы на встречу Владыки. Отец Серафим с крестом в руках. Под трезвон входит Владыка в мантии с посохом в руке, целует крест, хор поет: «Яко пленных освободитель…» Владыка поднимается на солею и благословляет народ. «Ис полла эти, деспота»,– поет хор, ему вторит народ. Началась торжественная архиерейская всенощная с акафистом великомученику Георгию, который поет весь народ. Гремят тарелки, звенят вилки и ножи, горят бокалы, закуски нарезаны и покрыты салфетками, стулья расставлены, букеты с цветами в вазах. У Паши на кухне что-то режется, жарится, варится и кипит. Сегодня и на заднем дворе тоже пир, праздничный, престольный. Народ толпится у свечного ящика…
Многие «Паши» ночами пекли «агнцы» и служебные просфоры, чтобы совершалась Литургия, чтобы пел русский народ: «Тебе поем… Тебе благодарим, Господи…»Простые «Феклы» раздували кадило «воню благоухания духовного», читали груды помянников и записок с именами замученных, погибших и расстрелянных, засыпая, стоя на коленях перед Богом. Кто о них что знает? Кто в силах счесть их молитвенный труд и измерить силу духа?
Сколько их по всей России несут свои зажженные свечи, свои светильники, как те «мудрые девы» в ожидании пришествия Жениха? «Иже верою победиша царствия, содеяша правду, получиша обетования, заградиша уста львов, угасиша силу огненную, избегоша острия меча, возмогоша от немощи, быша крепцы во бранех, обратиша в бегство полки чуждих. Прияша жены от воскресения мертвых своих: инии же избиени быша, не приемше избавления, да лучшее воскресение улучат: Друзии же руганием и ранами искушение прияша, еще же и узами и темницею, Камением побиени быша, претрени быша, искушени быша, убийством меча умроша: проидоша в милотех, и в козиях кожах, лишени, скорбяще, озлоблени: Ихже не бе достоин (весь) мир, в пустынях скитающеся, и в горах, и в вертепах, и в пропастех земных. И сии вси послушествовани бывше верою, не прияша обетования: Богу лучшее что о нас предзревшу, да не без нас совершенство приимут» (Евр. 11, 33–40)
Вот она – наша Россия.

Источник:
http: alexandrtrofimov.ru